выпускъ первый

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА.

Посвящаемъ первый выпускъ Легендъ Крыма вдохновительницт нашего труда—Жаннъ Ивановнъ Арцеуловой

Н. Марксъ, К. Арцеуловъ.

(КОХТЕБЕЛЬСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Взойдите на Отлукая и поглядите на Кохтебельскій заливъ. Что за видъ! Море синею эмалью врѣзалось въ широкій, ласковый пляжъ и слилось на горизонтѣ съ лазурью южнаго неба. Какъ крыло чайки, бросившейся въ волну, бѣлѣютъ паруса турецкихъ филюгъ, и дымокъ парохода убѣгаетъ за дальній мысъ Кіикъ-Атлама.

Ушли всъ, и только одинъ парусъ застылъ на мъстъ. Дни и ночи, годы, сотни и тысячи лътъ онъ не движется съ мъста. Окаменълъ.

И моя мать разсказывала, бывало, въ детстве, какъ это случилось.

Святая Варвара скрывалась въ крымскихъ горахъ. По пятамъ преслѣдовалъ ее старый отецъ, —Діоскуръ, и, наконецъ, почти нагналъ у Сугдеи.

Но не настало еще время Варварѣ принять мученическій вѣнецъ. Одна гречанка изъ Өулъ, небольшого городка между Карадагомъ и Отузами, узнавъ, что гонимая—христіанка, пріютила ее у себя; укрыла на время отъ преслѣдованія. И случилось чудо. Садъ гречанки, побитый морозомъ, вновь пышно зацвѣлъ, а глухонѣмой ея сынъ сталъ различать рѣчь. Заговорили объ этомъ кругомъ. Дошла вѣсть и до язычника-отца. Догадался Діоскуръ, кто скрывается у гречанки, и ночью окружилъ ея домъ.

Какъ была, въ одной рубашкъ, бросилась Варвара къ окну, и, незамъченная преслъдователями, съ именемъ Іисуса на устахъ, бросилась въ колодецъ. Поддержали упавшую Божьи ангелы и отнесли подальше отъ Өулъ, къ подножью Отлукая.

Въ эту ночь у Отлукая остановилась отара овецъ. Задремавшій пастухъ, молодой тавръ, быль до нельзя пораженъ, когда рядомъ съ собой увидълъ какую-то полунагую дъвушку.

- Кто ты, зачъмъ пришла сюда, какъ не тронули тебя мои овчарки?
- И Варвара не скрыла отъ пастуха, кто она и почему бѣжала.
- Глупая ты, отъ своихъ боговъ отказываешься. Кто же поможетъ тебѣ въ горѣ и бѣдѣ? Нехорошее дѣло ты затѣяла.

Но, замътивъ слезы на глазахъ дъвушки, и какъ дрожитъ она отъ холода, пожалълъ ее, завернулъ въ свой чекмень.

— Ложись, спи до утра. Ничего не бойся.

Было доброе намърение у пастуха.

Прошептавъ святое слово, уснула Варвара подъ кустомъ карагача.

Раскинулись пышные волосы; разметалась вся; красавицей лежала.

И не выдержалъ пастухъ. Нехорошо поглядълъ на нее. Бросился къ ней съ недоброй мыслью, забывъ долгъ гостепріимства. Бросился... и остолбенълъ, а за нимъ застыло и все стадо. Окаменъли всъ. Только три овчарки, которыя лежали у ногъ святой, остались, по назначенію Божію, охранять ее до утра.

Съ первымъ утреннимъ лучомъ проснулась Варвара и не нашла ни пастуха, ни стада. Вокругъ нея и по всему бугру, точно овцы, бълъли странные камни, и между ними одинъ длинный, казалось, наблюдалъ за остальными. Жутко стало на душтъ дъвушки. Точно случилось что. И побъжала она внизъ съ горы, къ морскому заливу. Впереди бъжали три овчарки, указывая ей путь въ деревню. Удивились въ деревнъ, когда увидъли собакъ безъ стада. Не знала ничего и Варвара. Только потомъ догадались.

У деревни, въ заливъ, отстаивался сирійскій корабль. Онъ привезъ таврамъ разные товары и теперь ждалъ попутнаго вътра, чтобы вернуться домой.

Донесъ вътерокъ до слуха Варвары родную, сирійскую ръчь. Пошла она къ корабленачальнику и стала просить взять ее съ собой. Нахмурился суровый сиріецъ, но, поглядъвъ на красавицу-дъвушку, улыбнулся. Недобрая мысль пробъжала въ головъ.

— Хоть и нътъ у насъ обычая возить съ собой женщинъ, а тебя возьму. Ливанская ты.

Радовалась Варвара, благодарила. Еще не было у нея дара предугадывать будущее. Подулъ вътеръ отъ берега. Подняли паруса, и побъжалъ корабль по морской волнъ.

Варвара зашла за мачту и сотворила крестное знаменіе. Зам'єтиль это корабленачальникь и опять нехорошо улыбнулся.—Т'ємь лучше! А потомь позваль д'євушку къ себ'є, въ каюту, и сталь допытывать: какъ и что. Смутилась Варвара и не сказала правды. Жиль въ душ'є Іисусь, а уста побоялись произнести Его имя язычнику. И затемнились небеса; съ моря надвинулась злов'єщая, черная туча; недобрымь отсвітомь блеснула далекая зарница. Упала душа у Варвары. Поняла

она гнѣвъ Божій. На колѣняхъ стала молить—простить ее. А навстрѣчу неслась боевая тріира, и скоро можно было различить сѣдого старика, начальствовавшаго ею. Узнала Варвара гнѣвнаго отца; защемило сердце, и, сжавъ руки, стала призывать имя своего Господа.

Подошелъ къ ней корабленачальникъ. Все сказала ему Варвара и молила не выдавать отцу. Замучитъ ее старикъ, убъетъ за то, что отступилась отъ вѣры отцовъ. Но, вмѣсто отвѣта, сиріецъ скрутилъ руки дѣвушки и привязалъ косой къ мачтѣ, чтобы не бросилась въ волну.

— Теперь моли своего Бога, пусть тебя Онъ выручаеть!

Сощлись корабли. Какъ звърь, прыгнулъ Діоскуръ на сирійскій борть; схватиль на руки дочь и швырнулъ ее къ подножью идола на своей тріиръ.—Молись ему!

А Варвара повторяла имя Іисуса.

- Молись ему!-И Діоскуръ ткнулъ ногой въ прекрасное лицо дочери.
- За тебя молюсь моему Христу, чуть слышно прошептала святая мученица и хотъла послать благословение и злому сирійцу, но не увидъла его.

Налетълъ бъщеный шквалъ, обдалъ сирійскій корабль пъной и точно бълой корой покрылъ его.

Налетълъ другой и на минуту не стало ничего видно. А когда спала волна, то на мъстъ корабля выдвинулась изъ нъдръ моря подводная скала, точно бывшій корабль.

Съ тъхъ поръ прошли въка. Отъ камней Варварина стада не много осталось на прежнемъ мъстъ. Новые люди повели по иному жизнь, и на новую дорогу пошли старые камни. Только окаменълый корабль остался недвижимъ.

Не дошель до него чередъ.

- Мама, замъчаль я въ дътствъ, да въдь это просто подводная скала.
- Конечно, такъ, мой мальчикъ. Подводная скала для чужихъ, а для насъ, здъшнихъ, это—народный памятникъ христіанкъ первыхъ въковъ.

ЧОРТОВА БАНЯ.

(КАДЫКЪ-КОЙСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Не върьте, когда говорять: нътъ Шайтана. Есть Аллахъ—есть Шайтань. Когда уходить свътъ,—приходить тънь. Слушайте!

Вы знаете Кадыкъ-Койскую будку? За нею гротъ, куда ходятъ испить холодной воды изъ скалы.

Въ прежнія времена туть стояла придорожная баня, и наши старики еще помнять ея камни.

Говорять, строиль ее одинь отузскій богачь. Хотьль искупить свои гръхи, омывая тьло бъдныхъ путниковъ. Но не успъль. Умерь, не достроивъ. Достроиль ее деревенскій кузнець-цыгань, о которомъ говорили нехорошее.

По ночамъ въ банъ свътился огонекъ, сизый съ багровымъ отсвътомъ. Можетъ быть въ каганъ свътился человъческій жиръ. Такъ говорили.

И добрые люди, застигнутые ночью въ пути, спѣшили обойти злополучное мѣсто. Былъ даже слухъ, что въ банѣ живетъ самъ Шайтанъ.

Извъстно, что Шайтанъ любитъ людскую наготу, чтобы потомъ надъ нею зло посмъяться. Ужъ, конечно, только Шайтанъ могъ подсмотръть у почтеннаго отузскаго аги Талипа такой недостатокъ, что, узнавъ о немъ, вся деревня прыснула отъ смъха.

Кузнецъ часто навъщалъ свою баню и оставался въ ней день, другой. Какъ разъ въ это время въ деревнъ случались всякія напасти. Пропадала лошадь, тельная телка оказывалась съ распоротымъ брюхомъ, корова безъ вымени, а дикій деревенскій бугай возвращался домой понурымъ быкомъ.

Все Шайтановы штуки! А, можеть быть, и кузнеца. Не даромъ онъ такъ похожъ на Шайтана. Черный, одноглазый, съ переднимъ клыкомъ кабана. Деревня не знала, откуда онъ родомъ и кто былъ его отецъ; только всѣ замѣчали, что кузнецъ избѣгалъ ходить въ мечеть; а мулла не разъ говорилъ, что изъ жертвенныхъ барановъ на Курбанъ-байрамъ самымъ невкуснымъ всегда былъ баранъ цыгана; хуже самой старой козлятины.

Кохтебельскій мурзакъ, который не въриль тому, о чемъ говорили въ народъ, проъзжая однажды мимо грота, сдержалъ лошадь; но лошадь стала такъ горячиться, такъ испуганно фыркать, что мурзакъ ръшилъ въ другой разъ не останавливаться. Оглянувшись, онъ увидълъ,—онъ это твердо помнитъ,—какъ на бугоркъ сами собой запрыгали шайки для мытья.

И много еще случалось такого, о чемъ лучше не разсказывать на ночь.

Впрочемъ, иной разъ, какъ ни старайся, отъ страшнаго не уйдешь.

У Османа была дочь и звали ее Сальгэ. Пуще своего единственнаго глаза берегъ ее старый цыганъ. Однако любви не перехитришь, и, что случилось у Сальгэ съ сосъдскимъ сыномъ Меметомъ, знали лишь онъ да она. Только и подумать не смълъ Меметъ послать свата. Понималъ, въ чемъ дъло. И ръшилъ бъжать съ невъстой въ сосъднюю деревню. Какъ только полный мъсяцъ начнетъ косить,—такъ и бъжать.

И смѣялся же косой мѣсяцъ надъ косымъ цыганомъ, когда скакалъ Меметъ изъ деревни съ трепетавшей отъ страха Сальгэ.

Османа не было дома. Онъ проводилъ ночь въ банъ. Пилъ заморскій аракъ, отъ котораго наливаются жилы и синъетъ лицо.

- Наливай еще!
- Не довольно ли?—останавливалъ Шайтанъ.—Слышишь скрипъ арбы? Это козскій имамъ возвращается изъ Мекки... И грезится старику, какъ выйдетъ завтра ему навстрѣчу вся деревня, какъ станутъ всѣ на колѣни и будутъ кричатъ: «Святой хаджи!.. Постой, хаджи, еще не доѣхалъ!» И прежде, чѣмъ кузнецъ подумалъ, Шайтанъ распахнулъ дверъ. Шарахнулись волы, перевернулась арба, и задремавшій было имамъ съ ужасомъ увидѣлъ, какъ вокругъ него зажглись сѣрные огоньки. Хотѣлъ прошептать святое слово, да позабылъ. Подхватила его нечистая сила и бросила съ размаха на полъ бани.

Нагой и поруганный, съ оплеванной бородой, валялся на полу имамъ, а гнусныя животныя обливали его чъмъ-то липкимъ и грязнымъ. И хохоталъ Шайтанъ. Дрожали стъны бани.—То-то завтра будетъ смъху! На колъняхъ стоитъ глупый народъ, ждетъ своего святого, а привезутъ пъя-нень-каго имама! Не стерпълъ обиды имамъ, вспомнилъ святое слово и очнулся на своей арбъ, которая за это время уже отъъхала далеко отъ грота.

— Да будеть благословенно имя Аллаха,—прошепталь имамь и началь опять дремать.

А въ банъ хохоталъ Шайтанъ. Дрожали стъны бани.

- Наливай еще, кричалъ цыганъ.
- Постой! Слышишь, скачеть кто-то!—И вихремь вынесь нечистый пріятеля на провзжую тропу.

Шарахнулась со всъхъ четырехъ ногъ лошадь Мемета, и свалился онъ съ своей ношей прямо къ ногамъ Шайтана.

— А, такъ вотъ кого еще принесло къ намъ! Души его, —крикнулъ Шайтанъ, а самъ схватилъ завернутую въ шаль дъвушку и бросился съ ней въ баню.

Зарычалъ цыганъ и всадилъ отравленный кинжалъ по самую рукоять между лопатокъ обезумъвшаго Мемета.

А изъ бани доносился вопль молодого голоса. «Будетъ потъха, будетъ хорошо сегодня», подумалъ цыганъ и, шатаясь, пошелъ къ банъ.

Въ невыносимомъ чаду Шайтанъ душилъ распростертую на полу нагую дѣвушку, и та трепетала въ послѣднихъ судорогахъ.

— Бери теперь, если хочешь!

Обхватилъ цыганъ дъвушку желъзными руками, прижался къ ней... и узналъ дочь...

— Згне!-крикнулъ онъ не своимъ голосомъ слово заклятья.

И исчезъ Шайтанъ. Помнилъ уговоръ съ Османомъ. Только разъ цыганъ скажетъ это слово, и только разъ сатана подчинится ему.

— Воды, воды, отецъ!

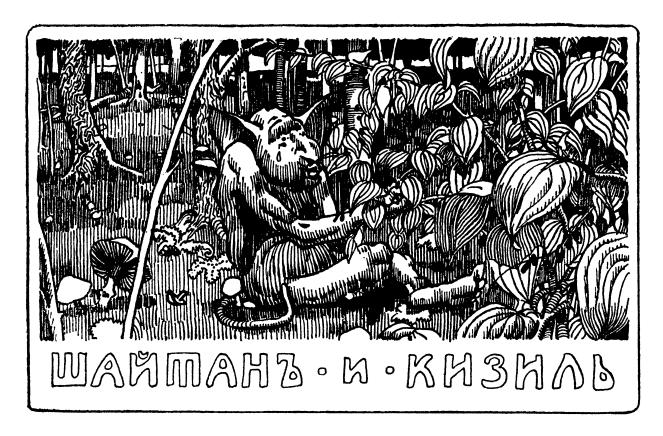
Бросился Османъ къ гроту, а гротъ весь клубился удушливыми сърными парами. И не могъ пройти къ водъ Османъ. Не зналъ второго слова заклятья. Упалъ и испустилъ духъ.

По утру проъзжіе татары нашли на дорогъ три трупа и похоронили ихъ у стънъ развалившейся за ночь бани.

— Чортова баня, — назвалъ съ техъ поръ народъ это место.

И я хорошо помню, какъ въ дътствъ, проъзжая мимо грота, наши лошади пугались и храпъли.

Не върьте, если вамъ скажутъ: нътъ Шайтана. Есть Аллахъ-есть Шайтанъ! Когда уходитъ свътъ,-приходитъ тънь.

(ТАТАРСКОЕ ПОВЪРЬЕ.)

Въ Отузахъ есть повърье, въ томъ году, когда по осени уродится кизиль, быть холодной зимъ.

И доказывають это примърами, которые у всъхъ на памяти.

А старики объясняють, почему это такъ.

Когда Аллахъ, сотворившій міръ, окончилъ свою работу, на землѣ настала весна, и почки деревьевъ въ саду земного рая стали одна за другой распускаться.

Потянулась къ нимъ вся живущая тварь, и увидълъ Аллахъ, что необходимо установить порядокъ. Позвалъ Онъ всъхъ къ Себъ и велълъ каждому выбрать ка кое-нибудь одно дерево или цвътокъ, чтобы потомъ только имъ и пользоваться и не ссориться съ другими.

Одни просили одно, другіе-другое. Сталъ просить и Шайтанъ.

- Подумалъ, Шайтанъ?—спросилъ Аллахъ.
- Подумалъ, сказалъ, скрививъ хитрымъ глазомъ, нечистый.
- . Ну и что же ты выбралъ?
- Кизиль.

2*

- Кизиль! Почему кизиль?
- Такъ, —не хотълъ сказать правды Шайтанъ.

— Хорошо, бери себъ кизиль, усмъхнулся Аллахъ.

Весело запрыгалъ Шайтанъ, завилялъ хвостомъ сразу въ объ стороны. Всъхъ надулъ. Кизиль первымъ зацвълъ изъ деревьевъ, значитъ раньше другихъ созръетъ его фрукта. Первая фрукта будетъ всегда самая дорогая; повезетъ онъ свой кизиль на базаръ, хорошо продастъ, дороже всъхъ другихъ фруктъ.

Настало лъто, начали поспъвать плоды: черешни, вишни, абрикосы, персики, яблоки и груши, а кизиль все не спъетъ. Твердый и зеленый. Чешетъ затылокъ Шайтанъ, злится.

— Поспъвай скоръй.

Не спъетъ кизиль.

Сталъ онъ дуть на ягоду; какъ пламя, краснымъ сталъ кизиль, но попрежнему—твердый и кислый.

— Ну, что же твой кизиль, —смъются люди.

Плюнулъ съ досады Шайтанъ-почернълъ кизиль.

— Дрянь такая, не повезу на базаръ, собирайте сами.

Такъ и сдълали. Когда по садамъ убрали всъ фрукты, деревенскіе люди пошли собирать въ лъсъ вкусную, сладкую, почернъвшую ягоду, и втихомолку подсмъивались надъ Шайтаномъ.

— Маху далъ Шайтанъ!

Шайтанъ не потерпълъ людской насмъшки и отплатилъ за нее людямъ.

Зналъ, что люди жадны. Сдълалъ такъ, что кизилю на слъдующую осень уродилось вдвое противъ прошлогодняго и, чтобы выспълъ онъ, пришлось солнцу послать на землю вдвое больше тепла.

Обрадовались люди урожаю, не поняли Шайтановой продълки.

А солнце обезтеплъло за лъто и настала на землъ такая зима, что позамерзали у людей сады, и сами чуть живы остались.

Съ тъхъ поръ-примъта: какъ урожай кизиля-быть холодной зимъ, потому что не угомонился Шайтанъ и попрежнему мститъ людямъ за насмъшку.

Али, красавецъ Али, тебя еще помнитъ наша деревня, и разсказъ о тебъ, передаваясь изъ устъ въ уста, дошелъ до дней, когда Яйла услышала гудокъ автомобиля, и выше ея горъ, сильнъе птицы, взвился безстрашный человъкъ.

Не знаю, перегналъ ли бы ты ихъ на своемъ скакунъ, но ты могъ скоръе загнатъ любимаго коня и погубить себя, чъмъ поступиться славой перваго джигита.

Быстръе вътра носилъ горный конь своего хозяина, и завидовала отузская молодежь, глядя, какъ гарцовалъ Али, сверкая блестящимъ наборомъ, и какъ безъ промаха билъ онъ любую птицу на-лету.

Не даромъ считался Али первымъ стрълкомъ на всю долину и никогда не возвращался домой съ пустой сумой.

Трепетали дикія козы, когда на вершинахъ Эчкидага, изъ-за неприступныхъ скалъ, появлялся Али съ карабиномъ на плечъ.

Только ни разу не тронула рука благороднаго охотника газели, которая кормила дитя. Ибо благородство Али касалось не только человъка.

И вотъ какъ-то, когда въ горахъ заблеяли молодыя козочки, зашелъ Али въ саклю Урміз.

Урміэ, молодая вдова, уснащавшая себя прянымъ ткна лишь для него одного, требовала за это, чтобы онъ безпрекословно исполнялъ всв ея причуды. Она лукаво

посмотръла на Али, какъ дълала всегда, когда хотъла попросить что-нибудь исключительное.

- Принеси мнъ завтра караджа.
- Нельзя. Не время бить козъ. Только-что начали кормить, въдь, знаешь.— замътилъ Али, удивившись странной просьбъ.
 - А я хочу. Для меня могъ бы сдълать.
 - He mory.
 - Ну такъ уходи. О чемъ разговаривать.

Пожалъ плечами Али, не ожидалъ этого, повернулся къ двери.

- Глупая баба.
- Къ глупой зачъмъ ходишь. Сентъ-Меметъ не говоритъ такъ. Не принесешь ты, принесетъ другой, а караджа будетъ. Какъ знаешь!

Вернулся Али домой, прилегъ и задумался. Въ лѣсу рокоталъ соловей, въ виноградникахъ звенѣли цикады, по небу бѣгали одна къ другой въ гости яркія звѣзды. Никто не спалъ, не могъ заснуть и Али. Клялъ Урміэ, зналъ, что дурной, неладный она человѣкъ, а тянуло къ ней, тянуло, какъ пчелу на сладкій цвѣтокъ.

— Не ты, принесеть другой. Неправда, никто не принесеть раньше.

Али поднялся.

Начинало свътать. Розовая заря ласкала землю первымъ поцълуемъ.

Али ушелъ въ горы по знакомой ему прямой тропъ.

Близко Эчкидагъ. Уже вскарабкался ловкій охотникъ на одну изъ его вершинъ, у другой—теперь много дикихъ козъ, караджа. Нужно пройти Хулахъ-Гернынъ—Ухо земли. Такъ наши татары называютъ провалъ между двумя вершинами Эчкидага. Глубокій провалъ съ откосной подземной пещерой, конца которой никто не знаетъ. Говорятъ, доходитъ пещерная щель до самаго сердца земли; будто хочетъ земля знатъ, что на ней дълается: лучше ли живутъ люди, чъмъ прежде, или попрежнему вздорятъ, жадничаютъ, убиваютъ и себя и другихъ.

Подошелъ Али къ провалу и увидълъ стараго, стараго старика съ длинной бълой бородой, такой длинной, что конецъ уходилъ въ провалъ.

- Здравствуй, Али, —окликнуль старикъ. Что такъ рано козъ стрълять пришель?
- Такъ, нужно.
- Все равно не убъешь ничего.

Подошелъ ближе Али, исчезъ въ провалѣ старикъ.

— Ты кто будешь?

Не отвътилъ, только оборвавшіеся камни въ провалъ побъжали; слушалъ, слушалъ Али и не могъ услышать, гдъ они остановились. Оглянулся на гору. Стоитъ стройная коза, на него смотритъ, уши наставила.

Прицълился Али и вдругъ видитъ, что у козы кто-то сидитъ и доитъ ее; какаято женщина, будто знакомая. Точно покойная его сестра.

Опустиль быстро карабинь, протерь глаза. Коза стоить на мѣстѣ, никого подлѣ нея нѣтъ.

Прицълился вновь, и опять у козы женщина. Оглянулась даже на Али. Поблъднъль Али. Узналъ мать такой, какой помнилъ ее въ дътствъ. Покачала на него головой мать. Опустилъ Али карабинъ.

— Аналэ, матушка родная!

Пронеслась по тропинкъ подъ скалой пыль. Стоитъ опять коза одна, не шевелится.

- Сплю я, что ли,-подумаль Али, и прицелился въ третій разъ.
- Коза одна, только въ двухъ шагахъ отъ нея ягненокъ. Причудилось, значитъ, все, и навелъ Али карабинъ, чтобы върнъе, безъ промаха, убить животное прямо въ сердце.

Хотълъ нажать курокъ, какъ увидълъ, что коза кормитъ ребенка, дочку Урміэ, которую любилъ и баловалъ Али, какъ свою дочь.

Задрожаль Али, похолодъль весь. Чуть не убиль маленькую Урміэ.

Обезумълъ отъ ужаса, упалъ на землю и долго ли лежалъ, не помнилъ потомъ.

Съ тъхъ поръ исчезъ изъ деревни Али. Подумали, что упалъ со скалы и убился. Долго искали, не нашли. Тогда ръшили, что попалъ онъ въ Хулахъ-Іернынъ, и нечего искать больше.

Такъ прошло много лътъ.

Аліева Урміэ стала дряхлой старухой, у маленькой Урміэ родились дѣти и внуки; сошли въ могилу сверстники джигита, и народившіяся поколѣнія знали о немъ только то, что дошло до нихъ изъ устъ отцовъ и гдѣ было столько же правды, сколько и народнаго домысла.

И вотъ разъ вернулся въ деревню хаджи Асанъ, столетній старикъ, долгое время остававшійся въ священной Меккъ. Много разсказалъ своимъ Асанъ, много чудеснаго, но чудесне всего было, что Асанъ самъ, своими глазами увидълъ и узналъ Али.

Въ Стамбулъ, въ монастыръ дервишей происходило торжественное служеніе. Были принцы, много франковъ и весь пашалыкъ. Забило думбало, заиграли флейты и закружились въ экстазъ священной пляски-молитвы святые монахи. Но бъщенье всъхъ кружился одинъ старикъ. Какъ горный вихръ, мелькалъ онъ въ глазахъ восторженныхъ зрителей, унося мысль ихъ отъ земныхъ помысловъ, но силой всего своего существа отдававшійся страсти своего духа.

— Али, — воскликнулъ Асанъ, и, оглянувшись на него, остановившись на мгновеніе, дервищъ снова бъщенымъ порывомъ ущелъ въ экстазъ молитвы.

СВЯТАЯ МОГИЛА.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Это было назадъ лътъ триста, а можетъ быть и больше. Какъ теперь, по долинъ бъжалъ горный потокъ; какъ теперь, зеленъли въ садахъ ея склоны и, какъ теперь, на порогъ деревни высился стройный минаретъ Отузской мечети.

Въ двухъ шагахъ отъ нея, гдв раскинулся въковъчный оръхъ, стояла тогда, прислонившись къ оврагу, бъдная сакля хаджи Курдъ-Тадэ.

Ни раньше, ни потомъ не знали въ деревнъ болъе праведнаго человъка.

Никто никогда не слышалъ отъ него слова неправды, и не было въ окрестности человъка, котораго не утъщилъ бы Курдъ-Тадэ въ горъ и нуждъ.

Бъднякъ не боялся отдать другому кусокъ хлъба и на случайные гроши успълъ сходить въ Мекку и вырыть по пути два фонтана, чтобы утолять жажду бъднаго путника.

Святое дъло, за которое Пророкъ такъ охотно открываетъ правовърному двери рая.

— Святой человъкъ, говорили въ народъ, и каждый съ благоговъніемъ прижималъ руку къ груди, завидъвъ идущаго на молитву хаджи.

А шель онь творить намазъ всегда бодрой походкой неуставшаго въ жизни человъка, хотя и носиль на плечахъ много десятковъ лътъ.

Должно быть, Божьи ангелы поддерживали его, когда старыя ноги поднимались по крутымъ ступенькамъ минарета, откуда онъ ежедневно слалъ во всъ стороны свои заклинанія.

И было тихо и радостно на душъ; свътло—точно Божій лучъ начиналъ уже доходить до него съ высоты небеснаго престола.

Но никогда нельзя сказать, что кончиль жить, когда еще живешь.

Какъ не былъ старъ хаджи Курдъ-Тадэ, однако, радостно улыбался, когда глядълъ на свою Раймэ, земной отзвукъ гурій, которыя ждали его въ будущемъ раю.

Когда падала фата и на святого хаджи глядъли ея жгучіе глаза, полные ожиданія и страсти, сердце праведника, дотолъ чистый родникъ, темнилось отраженіемъ гръховнаго видънія.

И забывалъ хаджи старую Гульсунъ, върнаго спутника жизни. А Раймэ, ласкаясь къ старику, шептала давно забытыя слова и навъвала дивные сны давнихъ лътъ.

Пусть было бъ такъ. Радуешься, когда послѣ зимняго савана затеплится, зазеленѣетъ земля; отчего было не радоваться и новому весеннему цвѣтку.

И не зналъ хаджи, какія еще новыя слова благодаренія принести Пророку за день весны на склонъ лътъ.

И летъло время, свивая вчера и сегодня въ одну пелену.

Только разъ, вернувшись изъ сада, не узналъ старикъ прежней Раймэ. Такіе глубокіе сліды страданій отпечатлівлись на ея прекрасномъ лиці; такое безысходное горе читалось въ ея взорів.

«Раймэ, что съ тобой», подумалъ онъ, но не сказалъ, потому что замкнулись ея уста.

И подулъ ночью горный вътеръ и донесъ до спящаго Курдъ-Тадэ ръчь безумія и отчаянія.

— Милый, желанный, свътъ души моей. Вернись. Забудь злую чаровницу. Вернись къ своей любимой, какъ ты ее называлъ. Вернись и навсегда. Скоро старый смежитъ очи, и я буду твоей, твоей женой, твоей маленькой, лучистой Раймэ.

Проснулся Курдъ-Тадэ и не нашелъ близъ себя юнаго тъла, а на порогъ съней въ безысходной тоскъ стенала, сжимая колъни, молодая женщина.

Чуть-чуть начинало свътать. Скоро муэдзинъ пропостъ съ минарета третью ночную молитву. Хаджи, незамъченный никъмъ, вышелъ изъ усадьбы и пошелъ къ Папасъ-тепэ.

На срединъ горы нъкогда ютился греческій храмъ, и отъ развалинъ храма внлась по скалъ на самый катыкъ узкая тропинка.

Никто не видълъ, какъ карабкался по ней старый Курдъ-Тадэ, какъ припалъ онъ къ землъ на вершинъ горы, какъ крупная слеза скатилась впервые изъ глазъ святого.

Не зналъ хаджи лжи. А ложь, казалось, теперь стояла рядомъ съ нимъ, обвивала его, отдъляла, какъ густой туманъ, душу его отъ вершины горы, къ которой онъ припалъ.

И услышаль онь голось Духа. И ответиль хаджи на этоть голось-голосомь своей совести:

— Пусть молодое вернется къ молодому и пусть у молодости будеть то, что она боится потерять.

Если угодна была моя жизнь Аллаху, пусть Великій благословить мое моленіе.

И въ моленьи, не знающемъ себя, душа святого стала медленно отдъляться отъ земли и уноситься вдаль, въ небесную высь.

И запълъ въ третій разъ муэдзинъ.

И голось съ неба сказался далекимъ эхомъ:- Да будетъ такъ.

Съ тъхъ поръ на гору къ могилъ святого ходять отузскія женщины и дъвушки, когда хотять вернуть прежнюю любовь.

ШАЙТАНЪ-САРАЙ.

(ЯЛЫ-БОГАЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

- Разскажи, Асанъ, почему люди назвали этотъ домъ-Чортовымъ.
- Асанъ сдвинулъ на затылокъ свою барашковую шапку, было жарко, и усмъхнулся.
- Разскажу—не повъришь. Зачъмъ разсказывать!

Мы сидъли подъ плетнемъ у извъстнаго всъмъ въ долинъ домика въ ущельъ Ялы-Богазъ. Ущелье, точно талья красавицы, дълитъ долину на двъ. На съверъ—отузская деревня съ поселками, старыя помъщичьи усадьбы, татарскіе сады. На югъ виноградники, сбъгающіе по склонамъ къ морю, и среди нихъ—бъленькіе домики нарождающагося курорта.

Зная Асана, я промолчалъ.

— Если хочешь, разскажу. Только ты не смъйся.

Когда Шайтанъ, гдъ поселится, скоро оттуда не уйдетъ. Жилъ здъсь грекъ-дангалакъ; клады копалъ. Нашелъ—не нашелъ, умеръ. Жилъ армянинъ богатый; людей не любилъ; деньги любилъ; умеръ. Потомъ чабаны собирались ночью, виноградъ крали, телятъ ръзали; вмъстъ кушали; другъ друга заръзали. Такъ наши старики говорили. Потомъ никто не жилъ. Одинъ чабанъ Мамутъ, когда на горъ пасъ баращекъ, пряталъ въ домъ свою хурду-мурду. Еще хуже вышло.

И Асанъ разсказалъ случай, имъвшій, какъ говорять, мъсто въ дъйствительности.

— Видишь развалины на горъ, подъ скалой? Тамъ была прежде греческая келисе. Давно была. Теперь стънка осталась, раньше крыша держалась, сводъ былъ.

Одинъ разъ случилась гроза. Дождь большой пошелъ, вода съ горъ побъжала, камни понесла. Мамутъ загналъ барашекъ за стънку, самъ спрятался подъ сводъ. Стоитъ, поетъ. Веселый былъ человъкъ. Горя не зналъ. А дождь — больше и больше. —Анасыны, говоритъ. Надоъло ему. Нечего было дълать, въ рукахъ таякъ, которымъ за ноги барашекъ ловятъ, давай стучать по стънъ. Вездъ—такъ, въ одномъ мъстъ—не такъ. Еще постучалъ.

— Можетъ кладъ найду, думаетъ. Хочетъ выломать камень изъ стѣны. Вдругъ слышитъ:—Эй, Мамутъ, не тронь лучше! Плохо будетъ. Посмотрѣлъ,—никого нѣтъ. Началъ камень выбивать.—Не тронь, слышитъ опять; будешь богатымъ, червонцемъ подавищься.

Сплюнулъ Мамутъ.—Анасыны, бабасыны; врешь, Шайтанъ, богатымъ всегда хорошо. Навалился какъ слъдуетъ и сдвинулъ камень съ мъста. Видитъ печь, а въ ней кувшинъ съ червонцами. Ахнулъ Мамутъ. Столько золота! На всю деревню хватитъ. Задрожалъ отъ радости, спъшитъ спрятать кладъ, чтобы другіе не увидъли. Только камень назадъ не пошелъ. Высыпалъ всъ червонцы въ чекмень, завернулъ въ узелъ, подъ кустъ до вечера положилъ.

Дождь прошель, выгналь стадо пасти, а самъ на кусть смотрить. Кусть горить—не горить,—дымится.—Вай, Алла! Солнце еще высоко, въ деревню не скоро; сталь думать—какой богатый человъкъ теперь будеть. Принесеть червонцы домой, отдасть женъ:—На! Самъ падишахъ больше не дасть, а я, чабанъ, все тебъ подарю. Положимъ—не подарю; только такъ скажу. Смъется самъ.—Куплю себъ домъ въ Ялы-Богазъ; домъ на дорогъ, открою кофейню; стадо свое заведу; чабаны свои булуть. Ни одна овца не пропадеть. Украдетъ чабанъ—сейчасъ поймаю. Первый богачъ въ Отузахъ буду. Такъ думалъ Мамутъ, ждалъ, когда солнце за Папастепэ зайдеть—гнать стадо домой. И гналъ такъ, что самъ удивлялся. Бъжалъ самъ, бъжали барашки, бъжали собаки.

Прибъжалъ къ себъ, развернулъ на полу чекмень, позвалъ жену.—Смотри! Съ ума сошла женщина отъ радости; побъжала къ сосъдкъ; та—къ другой. Вся деревня собралась, поздравляютъ Мамута. Одинъ имамъ прошелъ мимо, покачалъ головой; зналъ разные случаи.

Послалъ Мамутъ за бараниной. Десять окъ на червонецъ дали, бабамъ каурму велълъ варить.—Кушайте всъ, вотъ какой я человъкъ, не какъ другіе.

Стали хвалить Мамута:—Добрый человъкъ, хорошій человъкъ, уважаемый будешь человъкъ. Смотръли червонцы. Чужіе, не похожи на турецкіе. Сотскій совътовалъ позвать караима Шапшала. Шапшалъ виноградъ покупалъ, образованный человъкъ былъ. Позвали. Объщалъ помочь. Скоро поъдетъ въ Стамбулъ, тамъ размъняетъ на наши деньги. Только третью часть себъ требуетъ. Поторговались, сошлись на четвертой. Отдалъ Мамутъ всъ червонцы, себъ немного на баранину оста-

вилъ. Не спалъ ночью, все думалъ, что много далъ за хлопоты. Обидно было. Мучился человъкъ.

На другой день стада не погналъ. Когда богатый, развъ будешь чабаномъ! Пошелъ домъ торговать въ Ялы-Богазъ. Никто не жилъ въ домъ—дешево продали. Безъ денегъ въ долгъ купилъ. Мулла татарламу сдълалъ по шаріату. Мастеровъ нанялъ домъ поправить. Безъ денегъ пошли, знали, что Мамутъ самый богатый человъкъ на деревнъ.

Ждетъ Мамутъ караима Шапшала. Все не ъдетъ. Пришла ураза, нельзя цълый день кушать. Недоволенъ Мамутъ, къ баранинъ привыкъ. Сталъ бранить потихоньку старый законъ, а Шайтанъ смъется:—Скоро Мамутъ моимъ будетъ!

По ночамъ слышитъ Мамутъ чужой голосъ:—Обманулъ тебя Шапшалъ. Пропали червонцы. Никогда не увидишь ихъ. Хмурымъ встаетъ по утру Мамутъ. Всъ радуются: скоро Курбанъ-байрамъ; Мамутъ сердитъ на всъхъ, не думаетъ о праздникъ.

Одинъ разъ въ деревнъ услышали колокольчикъ. Пріъхалъ начальникъ. Бъжитъ сотскій за Мамутомъ.

- Иди, тебя зоветь.
- Зачѣмъ?
- Ты кладъ, говоритъ, нашелъ; куда его дъвалъ?

Испугался Мамутъ.—Скажи, не нашелъ.

- Какъ скажу? Всъ знаютъ.
- Ну, скажи, дома нътъ.

Почесалъ сотскій затылокъ и ушелъ къ начальнику.

А Мамуть взяль со стъны ружье и ушель черезь сады въ Ялы-Богазъ.

Надъ ущельемъ нависла черная туча, темно стало; буря началась; вспомнилъ Мамутъ тотъ день, когда кладъ нашелъ.

Вътеръ деревья ломаетъ, въ трубъ воетъ; собаки на дворъ воютъ, не хорошо воютъ, покойника чуютъ.

Положилъ Мамутъ чекмень на полъ, легъ спать. Заснулъ, не заснулъ—не знаетъ. Только видитъ въ углу на корточкахъ сидятъ гости: бѣлый, черный, грекъ-дангалакъ, армянинъ хозяинъ, зарѣзанные чабаны. Сидятъ, тихонько разговариваютъ, боятся разбудить Мамута. Пошевелился Мамутъ. Погладилъ длинную бороду бѣлый.

— Мамутъ, къ тебъ пришли. Сначала я скажу, потомъ онъ скажетъ. Посмотримъ, кого послушаешь...

Долго говорилъ бълый, душу спасти просилъ, на мечеть муллъ дать, бъдному сосъду дать, сироту въ домъ принять. Напишетъ мулла въ Стамбулъ, поймаютъ Шапшала, вернутъ въ Отузы деньги. Не будетъ Мамутъ въ тюрьмъ сидътъ: начальника хорошо попросятъ. Когда начальника хорошо просить, начальникъ добрый будетъ.

Смъется черный.—Только Шапшала, гдъ найдешь? Давно изъ Стамбула ушелъ. Хочешь деньги, можно имъть деньги. Скоро начальникъ поъдетъ. Насыпь больше дроби въ ружъе. Близко поъдетъ. Будетъ много денегъ.

Поднялся Мамутъ на ноги; точно провалились всв его гости; только полъ заскрипълъ. Слышитъ звенитъ колокольчикъ. Зарядилъ ружье, за окошко спрятался. Шагомъ вдетъ начальникъ, дорога плохая. Вспомнилъ о Мамутовомъ кладъ, оглянулся на домъ. Блеснуло въ окнъ что-то, пошелъ по горамъ гулять выстрълъ. Позади вхали верховые; бросились къ дому, схватили Мамута, скрутили кушакомъ ему руки. Не боролся Мамутъ; зналъ, что пропалъ человъкъ.

Сидитъ Мамутъ въ тюрьмѣ, ни пьетъ, ни ѣстъ, позеленѣлъ; всю ночь съ кѣмъто разговариваетъ. Страшно караульному: одинъ, а на два голоса разговариваетъ. Сумашедшій, думаетъ. Вдругъ, видитъ, сталъ Мамутъ рвать на себѣ шаровары, схватилъ что-то въ руку, запрыгалъ отъ радости. Не сталъ караульный дальше смотрѣть, зашелъ за дверь; не видѣлъ, какъ вскочилъ къ Мамуту зеленый Шайтанъ, какъ руку на плечо положилъ.

— Прячь скоръй свой послъдній червонець; увидять—отберуть. Прячь въ роть. Сунуль Мамуть въ роть червонець. Зазвенъль засовъ тюрьмы. Глотнуль Мамуть и удавился.

Узнали въ деревнъ, что удавился червонцемъ Мамутъ, говорили:—Жадный былъ человъкъ, глупый былъ человъкъ, домъ въ Ялы-Богазъ купить захотълъ. Кто въ Ялы-Богазъ можетъ жить! Нечего жалъть такого человъка!

Съ того времени никто въ этомъ домъ не живетъ и народъ называетъ — Шайтанъ-сарай.

Помолчалъ Асанъ, а потомъ прибавилъ:

— Можеть быть и теперь Шайтанъ здісь живеть. Кто знаеть! Когда Шайтанъ, гді станеть жить, долго оттуда не уйдеть!

СВЯТАЯ КРОВЬ.

(ТУКЛУКСКОЕ ПРЕДАНІЕ.)

Что это за рой кружится надъ церковкой, старой туклукской церковкой треческихъ временъ?

Не души ли погибшихъ въ святую ночь Рождества!

Еще не знали въ Крыму Темиръ-Аксака, но слухъ о хромомъ дьяволѣ добѣжалъ до Тавра, и поднялся въ долинѣ безотчетный страхъ передъ надвигавшейся грозой.

Плакали женщины, безпокойно жались къ матерямъ дѣти и задумывались старики, ибо знали, что когда набѣгаетъ волна.—не удержаться песчинкѣ.

Скорбълъ душой и отецъ Петръ, благочестивый старецъ, не носившій зла въ сердцъ и не знавшій устали въ молитвъ. Только лицо его не выдавало тревоги. Успокаивалъ до времени священнослужитель малодушныхъ и училъ мириться съ волей Божіей, какъ бы не было тяжко подчасъ испытаніе. Такъ шли дни, близилось Рождество—праздникъ, который съ особенной торжественностью проводили греки въ Туклукъ.

По домамъ готовились библейки, выпекалась василопита, хлъбъ св. Василія съ деньгой, которая должна достаться счастливъйшему въ Новомъ году.

Лучше, чъмъ когда-либо, поднялся хлѣбъ Зефиры, двадцатилътней дочери Петра, и мечтала Зефира, чтобы вложенная ею въ хлѣбъ золотая монета досталась юношъ, котораго ждала она изъ Сугдеи съ затаенной радостью. Только не пришелъ онъ, какъ объщалъ. Стало смеркаться, зазвучало церковное било вечернимъ призывомъ, а юноши все не было. Склонивъ въ печали голову, стояла въ церкви дъвушка, слушая знакомые съ дътства молитвенные возгласы отца.

И казалось ей, что никогда еще не служилъ отецъ такъ, какъ въ эту ночь. Точно изъ нѣдръ души, изъ тѣхъ далекихъ предѣловъ, гдѣ человѣческое существо готово соприкоснуться съ божественнымъ откровеніемъ, исходило его благостное слово.

Въяло отъ него тепломъ мира и подъ пъсенный напъвъ, въ туманъ сумерекъ, при мерцаніи иконостасныхъ лампадъ, чудился кто-то въ терновомъ вънцъ, учившій не бояться страданій.

Каждый молился, какъ умѣлъ, но тотъ кто молился, понималъ, что это такъ. Смолкнулъ священникъ, прислушался. Съ улицы доносился странный шумъ. Смутились прихожане. Многіе бросились вонъ изъ церкви, но не могли разобрать, что дѣлалось на площади. Они только слышали дикіе крики, конскій топотъ, бряцаніе оружія, проклятіе раненыхъ.

Поблізднівль, какъ смерть, отець Петрь. Сбылось то, что повіздаль ему какъ-то пророческій сонь.

— Стойте, крикнуль онь обезумъвшей оть ужаса толпъ. И слушайте! Богь послаль тяжкое испытаніе. Пришли нечестивые. Только вспомнимь первыхъ христіань и примемъ смерть, если она пришла, какъ подобаетъ христіанамъ. Въ алтаръ, подъ крестомъ, есть подземелье. Я впущу туда дътей и женщинъ. Всъмъ не умъститься, пусть спасутся хоть они.

И отецъ Петръ, сдвинувъ престолъ, поднялъ плиту и сталъ впускать дътей и женщинъ по очереди.

- А ты?—сказаль онь дочери, когда осталась она одна изъ дъвушекъ.—А ты?
- Я при тебъ отецъ.

Благословилъ ее взоромъ отецъ Петръ и, поднявъ высоко крестъ, пошелъ къ церковному выходу.

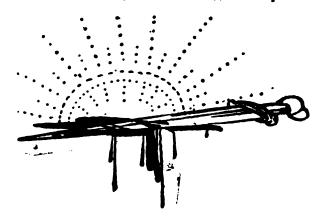
На площади происходила послѣдняя свалка городской стражи съ напавшими чагатаями Темура.

Съ зажженной свъчей въ одной рукъ и крестомъ въ другой, съ развъвающейся бълой бородой, въ парчевой ризъ, стоялъ отецъ Петръ на порогъ своей церкви, ожидая принять первый ударъ.

- И когда почувствоваль его приближение, благословиль всъхъ.
- Нътъ больше любви, да кто душу свою положить за други своя.

И упалъ святой человъкъ, обливаясь кровью, прикрывъ собой поверженную на порогъ дочь. Слилась ихъ кровь и осталась навъки на ступеняхъ церковки.

И теперь, если вы посттите эту древнюю, маленькую церковку, вы, если Господь остнить вась, увидите слъды святой крови, пролитой праведнымъ человъкомъ когда-то, много въковъ назадъ, въ ночь Рождества Христова.

письмо магомету.

(КОЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Татары говорять: міръ людей точильное колесо, оно выгодно тому, кто умѣетъ имъ править.

Фатимэ, жена Аблегани, варила, подъ развъсистой оръшиной, сладкій бетмесъ изъ виноградныхъ выжимокъ и думала горькую думу.

Три года не прошло, какъ праздновали ея той-дугунъ.

Первая красавица деревни, какъ персикъ, который начинаетъ поспъвать, она выходила замужъ за перваго богача въ долинъ. Свадебный мугудекъ, обвитый дорогими тканями и шитыми золотомъ юзбезами, окру-

жало болъе ста всадниковъ. Горскіе скакуны, въ шелковыхъ лентахъ и цвътныхъ платкахъ, обгоняли въ джигитовкъ одинъ другого. Думбало било цълую недълю и чалгиджи не жалъли своей груди.

Завидовали всъ Фатимэ, завидовала въ особенности одна съ черными глазами и сглазила ее. Какъ только вышла Фатимэ замужъ, такъ и пришла болъзнь.

Звали хорошаго экима лечить, звали муллу читать—не помогло. Возили на святую гору въ Карадагъ, давали порошки отъ камня съ могилы—хуже стало.

Высохла Фатимэ, стала похожа на сухую тарань.

Пересталъ любить ее Аблегани; сердится, что больная у него жена; говоритъ, какъ сдавитъ вино въ тарапанъ, возьметъ въ домъ другую жену.

— Отчего такъ, думала Фатимз.—Отчего у грековъ, когда есть одна жена, нельзя взять другую; у татаръ—можно? Отчего у однихъ людей—одинъ законъ, у другихъ—другой?

Плакала Фатимэ. Скоро привезуть изъ сада послѣдній виноградъ, скоро придеть въ домъ другая съ черными глазами. Ее ласкать будеть Аблегани; она будеть хозяйкой въ домѣ; обидить, насмѣется надъ бѣдной, больной Фатимэ, въ чуланъ ее прогонить.

— Нътъ, — ръшила Фатимэ, — не будетъ того, лучше жить не буду, лучше въ колодецъ брошусь.

Решила и ночью убежала къ колодцу, чтобы утопиться.

Нагнулась надъ водой и видитъ Азраила; погрозилъ ей Азраилъ пальцемъ, взмахнулъ крылами, какъ нъжный голосъ коснулся ея сердца, и унесся къ небу, на югъ.

Схватились старухи, что нътъ дома Фатимэ, бросились искать ее и нашли на землъ у колодца; а въ рукахъ у нее было перо отъ крыла, бълъе лебединаго.

Умирала Фатимэ, но успъла сказать, что случилось съ нею.

Собрались козскія женщины, всю ночь говорили, спорили, ссорились, жалѣли Фатимэ, думали, что и съ ними можетъ то же случиться. И вотъ нашлась одна, дочь эфенди, которая знала письмо—ученой была.

- Скажи,—спрашивали ее,—гдѣ написано, чтобы когда жена больной, старой станеть, мужъ бралъ новую въ домъ. Гдѣ написано?
 - Захотъли—написали, —отвъчала дочь эфенди. Мало ли чего можно написать.
- Вотъ ты знаешь письмо, напиши такъ, чтобы мужъ другую жену не бралъ, когда въ домъ есть одна.
- Кому написать?—возражала Зейнепъ.—Падишаху? Посмъется только. У самого тысяча женъ, даже больше.

Задумались женщины. Но нашлась, которая догадалась.

- Кто оставиль Фатимэ перо? Ангелъ. Значить—пиши Пророку. Хорошо только пиши. Всъ будуть согласны. Кто захочеть, чтобы мужъ взялъ молодую хары, когда сама старой станешь. Пиши. Всъ руку дадимъ.
 - А пошлемъ какъ?
 - Съ птицей пошлемъ. Птица къ небу летитъ. Письмо отнесетъ.
 - Отцу нужно сказать, говорила Зейнепъ.
- Дура, Зейнепъ. Отцу скажешь—все дъло испортишь. Другое письмо напишетъ, напротивъ напишетъ.

Уговаривали женщины Зейнепъ, объщали самую лучшую мараму подарить и уговорили.

Съла на корточки Зейнепъ, положила на колъни бумагу и стала писать бълымъ перомъ ангела письмо Магомету.

Долго писала, хорошо писала, все написала. Замолчали женщины, пока перо скрипъло, только вздыхали по временамъ.

А когда кончили-перо улетьло къ небу догонять ангела.

Завязала Зейнепъ бумагу золотой ниткой, привязала къ хвосту бълой сороки, которую поймали днемъ мальчишки, и пустила на волю.

Улетъла птица. Стали ждать татарки, что будетъ. Другъ другу объщали не говорить мужьямъ, что сдълали, чтобы не засмъяли ихъ.

Но одна не выдержала и разсказала мужу.

Смѣялся мужъ; узнали другіе, потѣшались надъ бабьей глупостью, дразнили женщинъ сорочьимъ хвостомъ. А старый козскій мулла сталъ съ тѣхъ поръ плевать на женщинъ.

Стыдились женщины, — увидъли, что глупость сдълали; старались не вспоминать о письмъ.

Но мужья не забывали и, когда сердились на женъ, кричали:—Пиши письмо на хвостъ сороки.

Выросла молодежь и тоже, за отцами, стыдила женщинъ. Смѣялись и внуки и, смѣясь, не замѣтили какъ не стало ни у кого двухъ женъ, ни въ Козахъ, ни въ Отузахъ, ни въ Таракташъ.

Можеть быть баранина дорогой стала; можеть быть самимъ мужчинамъ стыдно стало, можеть быть отвъть пророка на письмо пришелъ.

Не знаю.

КЫЗЪ-КУЛЛЕ—ДЪВИЧЬЯ БАШНЯ.

(СУДАКСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Говорять, въ тѣ времена, когда надъ Сугдеей господствовали греки, эта башня уже существовала, и въ ней жила дочь архонта, гордая и неприступная красавица, какой не было въ Тавридѣ.

Говорятъ, Діофантъ, лучшій военноначальникъ Митридата, тщетно добивался ея руки, а мъстная знатная молодежь не смъла поднять на нее глазъ.

Не знали, что дъвушка любила. Любила простого деревенскаго пастуха, какъ казалось по его одеждъ.

Однажды дочь архонта пошла на могилу своей рабыни подъ скалой, въ лѣсу. Несчастная дѣвушка, любимая прислужница ея, сорвалась со скалы и убилась. По обычаю ее тамъ и похоронили, и по обычаю на могильной плитѣ сдѣлали углубленіе, чтобы собиралась роса, и птицы, утоливъ жажду, порхали надъ нею и пѣли усопшей пѣсню рая.

Дочь архонта пошла прикормить птицъ и увидъла у могильной плиты пастуха.

Юноша задумался; благородное лицо его дышало грустью, а кудри пышныхъ волось смѣялись встрѣчному вѣтру.

Дочь архонта спросила, кто онъ.

— Какъ видишь, —пастухъ, а откуда и самъ не знаю. Смутно помню какую-то иную, чудную страну, высокія колонны, храмъ. А былъ или не былъ тамъ, —не знаю.

И дъвушка улыбнулась. Она тоже, какъ сонъ, вспомнила тотъ городъ съ колоннами, храмами и мавзолеями, откуда ее привезли въ раннемъ дътствъ.

Разговаривая, не замътили, какъ ушла грусть и пришла радость, какъ не стало между пастухомъ и дочерью архонта разницы ихъ положеній и какъ согласно стали биться ихъ сердца.

Съ тъхъ поръ только прекраснымъ пастухомъ жила дочь архонта, а пастухъ зналъ, что среди боговъ и людей не было его счастливъе.

Плита стала алтаремъ, небесная роса сближала ихъ съ горной высью, а пъснь птицъ казалась священнымъ гимномъ любви.

Но какъ-то увидъли ихъ вмъстъ и донесли архонту. Внъ себя архонтъ приказалъ схватить пастуха и бросить его въ каменный мъшокъ подъ бачнеч Кызъ-Кулле.

Прошло нъсколько дней, пока вътеръ донесъ до слуха обезумъвшей отъ горя дъвушки стонъ заключеннаго. Поняла она все, и ночью спустилась по веревкъ въ колодецъ и спасла любимаго.

Безъ сознанія лежалъ пастухъ на полу въ замкѣ царевны, когда отворилась дверь и вошелъ архонгъ. Онъ гнѣвно поднялъ руку, но тотчасъ опустилъ ее. На груди юноши онъ прочелъ знакъ, только ему одному извѣстный, и узналъ, кто былъ пастухъ.

Молніей пронеслась въ памяти битва двухъ городовъ, плѣнъ его семьи и его горе безъ границъ, когда изъ плѣна не вернулся его первенецъ.

Смертная блъдность покрыла чело архонта. Ужасъ овладълъ имъ. Но, придя въ себя, онъ потребовалъ врача и приказалъ спасти умиравшаго.

— Я не хочу отравить печалью добрый порывъ моей дочери. Ты долженъ спасти его. И юноша былъ спасенъ.

Вскоръ отходилъ корабль въ Милету.

Архонтъ приказалъ выздоравливающему готовиться въ путь—отвезти государственную запись.

— Черезъ годъ, сказалъ онъ тихо дочери, корабль вернется назадъ. Если твой возлюбленный не измѣнитъ тебѣ, ты увидишь на мачтѣ бѣлый знакъ, и я не буду противиться вашему счастью. Но если ты не увидишь этого знака, ты не должна печалиться, что не отдала руки недостойному, и ты должна обѣщать, безъ слезъ и возраженій, отдать ее Діофанту.

Отошелъ корабль съ приказомъ вернуться черезъ полгода и съ тайнымъ наказомъ корабленачальнику оставить юношу въ Милетъ до слъдующаго прихода корабля.

Потянулись сърые дни, ползли, какъ медленная черепаха.

Полную свободу далъ дочери архонтъ, но свобода одиночества—самая полная изъ всъхъ, въ то же время и самая тоскливая.

Заперлась дочь архонта въ Дъвичьей башнъ и только изръдка спускалась къ могилъ, гдъ впервые узнала пастуха.

Такъ прошло лъто, на исходъ былъ мъсяцъ сбора винограда, наступалъ листопадъ.

Сталъ чаще посъщать страну богъ тумановъ и по ночамъ являлся царевнъ неяснымъ старикомъ, съдая борода котораго обвивала замокъ и тонула гдъ-то въ морской дали, на серебристомъ отсвътъ луны. Закрывалъ туманъ эту даль, и туманился взоръ дъвушки безотчетною тоскою.

Однажды, когда проглянувшее солнце угнало туманъ въ горныя ущелья, сугдейцы увидъли свой корабль, опускавшій паруса у самой пристани.

Увидъла его и дочь архонта, но не увидъла на немъ бълаго знака.

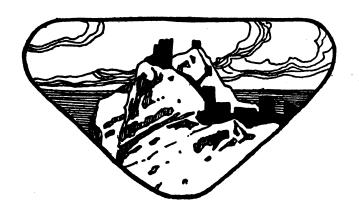
Блъдной, гордой и красивой какъ никогда, вышла она къ рабынямъ и приказала подать лучшій хитонъ, лучшую тунику и діадему изъ опала и сапфира. Одъвая царевну, прислужницы удивлялись ея ушедшей отъ земли красотъ.

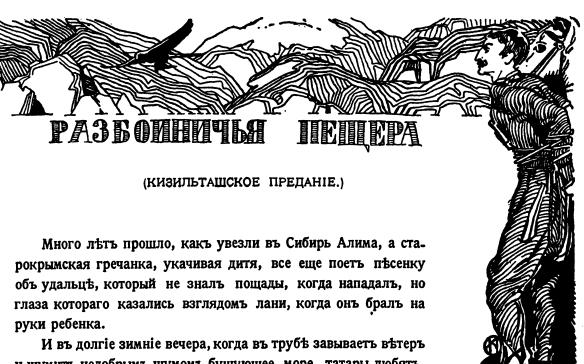
- Теперь позовите Діофанта.

Вбъжалъ влюбленный военноначальникъ Митридата по ступенямъ башни Кызъ-Кулле, и, очарованный, бросился къ ногамъ красавицы.

— Слышалъ ли ты, Діофантъ, когда, какъ любитъ греческая дъвушка. Скажи Евпатору, что ты самъ это узналъ.

И дочь архонта, сверкнувъ на чужеземца гордостью и красотой, быстро подошла къ аркъ окна и бросилась въ бездну.

И въ долгіе зимніе вечера, когда въ трубъ завываеть вътеръ и шумить недобрымъ шумомъ бушующее море, татары любять, сидя у очага, послушать разсказъ старика о послъднемъ джигить Крыма—Алимъ, которымъ гордились горы, потому что въ немъ жило безуміе храбраго и потому, что никогда не знали отъ него обиды слабый и бъднякъ.

Шелъ прямо къ сердцу Алимовъ кинжалъ, взмахъ шашки его разсъкалъ пополамъ человъка и заколдованная пуля умъла свернуть за скалу, чтобы настичь укрывшагося.

Какъ грозы боялись люди Алима и во всей округъ только одинъ человъкъ искалъ встръчи съ нимъ. То былъ старый карасубазарскій начальникъ, о которомъ разсказывали, что кулакъ его тяжелъй кантарной гири, а отъ остраго взгляда его не укрыться даже подъ землей.

Семь лѣть подъ рядъ только о немъ да объ Алимѣ говорилъ Крымъ; семь разъ за эти годы попадалъ Алимъ въ руки стражей и семь разъ, разбивъ кандалы, успѣвалъ бѣжать въ таракташскіе лѣса, въ ногайскую степь. А въ горахъ и въ степи вся татарская молодежь стояла за него и старые хаджи, совершая намазъ, призывали лишній разъ имя Аллаха, чтобы онъ оградилъ Алима отъ неминучей бѣды.

Нависла надъ нимъ черная туча и знали объ этомъ мудрые старики.

Ибо нельзя было плясать на одной веревк двумъ плясунамъ, какъ говорилъ отузскій мулла.

Въ тотъ годъ стояла въ Крыму небывалая стужа; терпълъ бъднякъ, но было не лучше богачу, такъ какъ по дорогамъ шелъ стонъ отъ Алимова разбоя.

Алима видъли въ разныхъ мъстахъ, появлялся онъ въ мъстечкахъ и городахъ, и былъ даже слухъ, что заходилъ къ самому карасубазарскому начальнику—предлагалъ ему выдать Алима.

Говорили въ народѣ, что начальникъ сказалъ: Будетъ Алимъ въ моихъ рукахъ сто карбованцевъ тебѣ. Засмѣялся Алимъ, крикнулъ начальнику: Вотъ былъ Алимъ въ твоихъ рукахъ, да не умѣлъ ты взять его. Прыгнулъ въ окно и ускакалъ изъ города.

Не догнала погоня. Бълый конь Алимовъ былъ о трехъ ноздряхъ, съ тремя отдушинами въ груди, чтобы три дня могъ скакать безъ отдыха.

Тогда двинули со всъхъ сторонъ стражей и окружили таракташскій лъсъ.

Но Алима не нашли. Успълъ вовремя предупредить отузскій кефеджи и Алимъ ушелъ въ Кизильташъ. Тамъ была пещера, гдъ укрывались разбойники въ ненастье и откуда шелъ ходъ въ подземелье. А въ подземельъ хранились Алимова добыча и запасы. Была и другая пещера со святой водой, которая цълила раны и удваивала силы людей.

Здѣсь въ Кизильташѣ притихъ на время Алимъ. Знали объ этомъ только отузскій кефеджи, да его подручный Баталъ. Но Баталъ готовъ былъ скорѣе проглотить свой языкъ, чѣмъ выдать Алима. Любилъ и баловалъ Алимъ его сиротку, маленькую Шашнэ и слалъ ей черезъ отца то турецкую феску, то расшитые папучи, то золотую серьгу. Хвастала Шашнэ, показывая подругамъ новые подарки. Будетъ большой—весь кизильташскій кладъ отдастъ ей Алимъ и самъ женится на ней. Услышала о томъ дочь грека дангалака, сказала отцу. Отецъ боялся Алима и не любилъ его, потому что когда боишься—всегда не любишь.

И къ тому же была между ними кровь: убилъ Алимъ въ разбоъ родича дангалака. Чуть свътъ поскакалъ дангалакъ въ городъ, а къ вечеру въ Отузы прибылъ начальникъ и собралъ сходъ.

Коршуномъ поглядълъ онъ на татаръ.

— Чтобы курица изъ деревни не вышла, чтобы голубь за околицей не парилъ, пока Алимъ не будетъ въ моихъ рукахъ.

И поняли татары, что пришелъ Алиму конецъ.

Никто не спаль въ деревнъ въ эту ночь. Визжалъ вихремъ Шайтанъ по дорогъ, ломалъ деревья по садамъ, мертвымъ стукомъ стучалъ въ дверь труса и кидался на прохожаго бъшенымъ ливнемъ.

Жутко было итти стражамъ по кизильташской тропъ. Жутью дышалъ лъсъ нагорья и гуломъ гудълъ облажной дождь, сбъгая тысячью потоковъ въ ущелья кизильташской котловины.

Не ждали разбойники въ эту ночь никого и, укрывшись въ чекмени, спали въ Разбойничьей пещеръ вокругъ догоравшаго костра.

Спалъ и Алимъ зыбкимъ сномъ. Видѣлъ, будто забылъ испить къ ночи святой воды, какъ дѣлалъ всегда, и вбѣгаетъ въ Святую пещеру, но въ источимѣ, вмѣсто воды, кипитъ кровь. А сверху, со скалъ свѣсились кольцами черныя змѣи, и одна изъ нихъ, скользкая и холодная, обвила его шею узломъ.

Вскрикнулъ Алимъ отъ боли, открылъ глаза и увидълъ надъ собой громаднаго человъка, который давилъ ему грудь и сжималъ горло.

Выскользнулъ Алимъ, но ударъ подъ сердце лишилъ его сознанія. А когда очнулся, то лежалъ уже связаннымъ вмъстъ со всей шайкой.

— Здравствуй Алимъ, былъ ты у меня въ гостяхъ, теперь, видишь, я къ тебъ пришелъ, — говорилъ надъ нимъ кто-то.

Потемнъло опять въ глазахъ Алима, а когда вновь пришелъ въ себя, былъ день и несли его на носилкахъ вдоль деревенской улицы. Точно вымерла вся деревня. Ни души не было видно, прятались всъ отъ взора начальника. Посмотрълъ начальникъ на Алима, точно что-то спросилъ, и отвътилъ Алимъ взоромъ:—Знаю, не будетъ больше джигитовъ въ Крыму.

А къ полудню у сельскаго правленія собрались арбы, къ которымъ были прикованы разбойники. Въ кандалахъ лежалъ Алимъ и съ нимъ кефеджи съ Баталомъ. Все было готово, чтобы тронуться въ путь. Собралась вся деревня, вышелъ изъ правленія начальникъ; плакала, ласкаясь къ отцу, Баталова Шашнэ.

- Не плачь, сказалъ начальникъ дъвочкъ, скоро отецъ вернется, и, посмотръвъ на Алима, добавилъ: чуть, было, не забылъ, за мною въдь долгъ. Помнишь, я объщалъ, когда Алимъ будетъ въ моихъ рукахъ, сто карбованцевъ тебъ? Алимъ въ моихъ рукахъ, деньги твои.
 - Отдай ихъ ей, —показалъ Алимъ на дъвочку.

Арбы медленно двинулись въ путь и уже навсегда увезли изъ горъ Алима.

ГРИБЫ ОТЦА САМСОНІЯ.

(КИЗИЛЬТАШСКОЕ СКАЗАНІЕ.)

Вътъ времена, когда Кизильташъ былъ еще киновіей, и все населеніе его состояло изъ десятка монаховъ, епархіальное начальство прислало туда на эпитемію нъкоего отца Самсонія.

Въ киновіи скоро полюбили новаго іеромонаха, полюбили за его веселый, добрый нравъ, за сердечную простоту и общительность. Въ свой чередъ и отецъ Самсоній привязался къ обители, которою управляль тогда великой души человѣкъ—игуменъ Николай. Сроднился съ горами, окружавшими высокой стѣной монастырь; сжился съ лѣсною глушью и навсегда остался въ Кизильташть.

Въ монастырь рѣдко кто заглядывалъ изъ богомольцевъ; сосѣди татары относились къ нему враждебно и монахамъ приходилось жить лишь тѣмъ, что они могли добыть своимъ личнымъ трудомъ.

Только раза два-три въ годъ наъзжала помолиться Богу, а кстати по ягоду и грибы, мъстная отузская помъщица съ семьей и тогда дни эти были настоящимъ празд-

никомъ для всъхъ монаховъ и особенно для отца Самсонія.

Монахи слышали звонкіе женскіе голоса, общились со свѣжими наѣзжими людьми, которые вносили въ ихъ сѣрую, обыденную жизнь много радости и оживленія. А отецъ Самсоній зналъ, какъ никто, всѣ грибныя и ягодныя мѣста, умѣлъ занять привѣтнымъ словомъ дорогихъ гостей и потому пользовался въ семьѣ помѣщицы особымъ расположеніемъ.

Уъзжая изъ обители, гости оставляли разные съъдобные припасы, которые монахи экономно сберегали для торжественнаго случая.

Такъ шли годы, и какъ-то незамътно для себя и другихъ молодая, жизнерадостная помъщица обратилась въ хворую старуху, а отецъ Самсоній сталъ напоминать высохшій на корню грибъ, ненадобный ни себъ, ни людямъ. Почти не сходилъ онъ съ своего крылечка, обвитаго виноградной лозой. И если воскресалъ въ немъ прежній любитель грибного спорта, то только тогда, когда пріъзжали по грибы старые отузскіе друзья.

И вотъ однажды, когда настала грибная пора, игуменъ, угощая отца Самсонія послѣ церковной службы обычной рюмкой водки, сказалъ:

— По грибы больше не поведешь.

- Почему?
- Еле ноги волочить. Не дойду, говорить, а быль ей будто сонь: въ тоть годь, когда по грибы не пойдеть,—въ тоть годь и помреть. Сокрушается.

Жаль стало отцу Самсонію, не изъ корысти, а отъ чистаго сердца; сообразилъ онъ что-то и сталъ просить:

- А вы ее, отецъ игуменъ, все-таки уговорите; грибы будутъ сейчасъ за церковью, въ дубнякъ.
- Насадишь, что ли? усмѣхнулся отецъ Николай и обѣщалъ похлопотать. И дѣйствительно помѣщица, къ общему удивленію, собралась и пріѣхала со всей семьей въ монастырь.

Обрадовались всть ей, радовалась и она, услышавъ знакомый благовъстъ монастырскаго колокола. Точно легче стало на душть и притихла на время болъзнь.

- Ну вотъ и слава Богу, —ликовалъ, потирая руки, отецъ Самсоній.
- Отдохните, въ церкви помолитесь, а завтра по грибы.

А самъ съ ночи отправился въ грибную балку у лысой горы и къ утру, когда еще всъ спали, успълъ посадить въ дубнякъ, за церковью, цълую корзину запеканокъ.

Только что кончиль свои хлопоты, какъ ударилъ колоколъ. Перекрестился отецъ Самсоній и сълъ подъ развъсистымъ дубомъ отдохнуть. Отъ усталости старчески дрожали руки и ноги и колыхалось, сжимаясь, одряхлъвшее сердце. Но свътло и радостно было на душъ, потому что успълъ сдълать все, какъ задумалъ. Глядитъ, съ верхней скальной кельи спускается суровый схимникъ, старецъ Геласій. Побаивался отецъ Самсоній старца и избъгалъ встръчи съ нимъ. Всегда всъхъ корилъ Геласій и никто не видалъ, чтобы онъ когда-нибудь улыбнулся.

— Мірской суетой занимаешься. Обманъ пакостный придумываешь. Посвященіе свое забыль. Тьфу, прости Господи,—отплюнулся старецъ и побрелъ въ церковь.

Упало отъ этихъ словъ сердце у отца Самсонія, ушла куда-то свътлая радость и не вернулась, когда очарованная старуха, срывая искусно насаженную запеканку, воскликнула:

- Ну, значитъ, еще мнъ суждено пожитъ. А я ужъ и не чаяла дотянутъ.
- Да что съ тобой, отецъ Самсоній, добавила она, поглядъвъ на Самсонія.
- Не здоровится что-то. Состарился, сударыня.

И хотълъ подбодриться, какъ видитъ, возвращается Геласій изъ церкви, къ нимъ присматривается. Остановился, погрозилъ пальцемъ.

- Гдъ копалъ, тамъ тебя скоро зароютъ.

Испугался Самсоній пророческому слову старца. Всегда сбывалось оно.

- • • • • скоро зароютъ.
- Да что съ тобой сталось, отецъ Самсоній, допытывалась помъщица, уъзжая изъ монастыря.

А къ ночи отецъ Самсоній почувствоваль себя такъ плохо, что вызваль игумена и повъдаль ему о своемъ тяжкомъ нездоровьи, о томъ, какъ корилъ и что предрекъ ему Геласій и какъ неспокойно стало у него на душть.

— Ну, гръхъ не великъ, —успокаивалъ добрый игуменъ, —а за свътлую радость людямъ тебя самъ Богъ наградитъ.

Пощелъ игуменъ къ Геласію, просилъ успокоить бользнующаго, но не вышло ничего. Отмалчивался Геласій и только, когда уходилъ игуменъ, бросилъ недобрымъ словомъ:

— На отпъваніе приду.

И случилось все такъ, какъ предсказалъ Геласій.

Недолго хворалъ отецъ Самсоній и почувствовалъ, что пришла смерть. Отсоборовали умирающаго, простилась съ нимъ братія, остался у постели одинъ іеромонахъ и сталъ читать отходную.

Вдругъ видитъ—поднялся на локтяхъ Самсоній, откинулся къ стѣнѣ, а на стѣнѣ висѣла вязка сухихъ грибовъ, и засвѣтились они, точно вѣнецъ вокругъ лика святого. Вздохнулъ глубоко Самсоній и испустилъ духъ.

Разсказали монахи другь другу объ этомъ и стали коситься на Геласія, а Геласій трое сутокъ, не отходя отъ гроба, клалъ земные поклоны, молился и шепталъ:

- Ушелъ гръхъ, осталась святость.

Какъ понять-не знали монахи, и была между ними тревога и жуть.

Еще больше пошло толковъ, когда, придя на девятый день къ могилѣ отца Самсонія,—а похоронили его, по указанію схимника, въ дубнякѣ, за церковью,—увидѣли, что у могильнаго креста выросли грибы.

Повырывалъ ихъ Агаеангелъ іеродіаконъ, игуменъ окропилъ мѣсто святой водой, соборне отслужили сугубую панихиду.

А на сороковой день повторилось то же, и не знали, что думать—по гръху ли, по святости совершается.

Пошли у монаховъ сны объ отцѣ Самсоніи; стали поговаривать, будто каждую ночь выростають на могилѣ его грибы, а къ послѣдней звѣздѣ ангелъ Божій собираеть ихъ, и свѣтится все кругомъ.

Стали замічать, что если больному отварить грибъ, сорванный вблизи могилы, то дізлается лучше.

Такъ говорили всъ въ одинъ голосъ, и только Геласій схимникъ хранилъ гробовое молчаніе и никогда не вспоминалъ объ отцъ Самсоніи.

И вотъ, какъ разъ въ полугодіе кончины Самсонія, случилась съ Геласіемъ бъда. Упалъ, сходя съ лъстницы, сломалъ ногу и впалъ въ безпамятство. Собрались въ кельъ старца монахи—не узналъ никого Геласій, а когда игуменъ хотълъ его пріобщить, оттолкнулъ чашу съ дарами.

Скорбълъ игуменъ и молилъ Бога вразумить старца. Коснулась молитва души Геласія, поднялись въки его, принялъ святые дары, свътло улыбнулся людямъ и чуть слышно прошепталъ:

— Помните грибы отца Самсонія. То были святые грибы.

ПОЯСНЕНІЯ КЪ ЛЕГЕНДАМЪ.

ОКАМЕНЪЛЫЙ КОРАБЛЬ.

Легенду эту я слышалъ отъ моей матери—Зефиры Павловны Марксъ, изъ рода Ставра-Цирули, одного изъ древнихъ насельниковъ Өеодосійской округи. Подводные камни, которые мъстные жители называютъ Окаменголымъ кораблемъ, лежать въ Кохтебельскомъ заливъ, между мысомъ Тапракъ-кая и мысомъ Кіикъ-Атлама. Кохтебель, нарождающійся курорть для интеллигента средняго достатка, лътъ двадцать назадъ представляла изъ себя пустынный пляжъ, верстахъ въ двухъ отъ котораго лежала бъдная болгаро-татарская деревушка того же имени. (Въ 19 в. отъ Өеодосіи по судакскому шоссе). Болгары пришли сюда при императрицъ Екатеринъ II, татары съ начала XIII въка, но мъстность эта была извъстна еще Плинію († 79 г.), по словамъ котораго здісь ніжогда была пристань тавровь, древнъйшихъ жителей Тавриды. Легенда объ Окаменъломъ кораблъ, въ устажъ мъстныхъ грековъ, связана съ именемъ св. Варвары. Какъ извъстно, св. Варвара (III въкъ), сирійка по происхожденію, дъйствительно, бъжала отъ отца, который преслъдовалъ ее за принятіе ею христіанства, но въ Крыму она никогда не была; и если народное преданіе говорить именно о св. Варварь, то это показываеть насколько имя мученицы было популярно въ горахъ Крыма. Быть можетъ легенду нужно пріурочить къ началу XII въка, когда были перенесены изъ Византіи въ Кіевъ мощи св. Варвары. Отлукая—небольшая гора по правую сторону шоссе изъ Кохтебели въ Отузы. У подножья ея продолговатое всхолмье, вершина котораго, до проведенія шоссе въ 90-хъ годахъ прошлаго стольтія, была окаймлена поставленными на ребро плитами, а по скату были разбросаны камни, напоминавшіе издали стадо овецъ. Камни пошли на постройку шоссе, но мъстные жители до сихъ поръ называють это мъсто *Окаменњлымъ стадомъ*. Слъдуеть отмътить, что на Керченскомъ полуостровъ, недалеко отъ д. Кызильхую, существуетъ Оврагъ окаменголыхъ овецъ, но здъсь въ основъ татарской легенды лежитъ наказаніе дочери за ея черную неблагодарность отцу. Отара—стадо (отъ-трава, ара-искать).

ЧОРТОВА БАНЯ (Шайтаны-хаманъ).

Легенду разсказывалъ мнъ мъстный помъщикъ Меоодій Николаевичъ Казаковъ, со словъ отузскихъ татаръ. Кадыкъ-койская будка расположена на 23-й верстъ по шоссе изъ Өеодосіи на Судакъ. На бугръ противъ будки виденъ слъдъ развалинъ *Шайтаны-хамам*ъ. Раньше, до проведенія шоссе, видны были развалины стънъ и печи. Шагахъ въ тридцати отъ будки, находится, укрытый въ лѣснякѣ, красивый горный гроть съ чудной, студеной водой. Шайтань—духъ зла, изгнанный Аллахомъ изъ сонма ангеловъ за то, что онъ не хотълъ поклониться Адаму. Съ тъхъ поръ Шайтанъ мститъ человъческому роду, толкая его на все противное заповъдямъ Аллаха. Курбанъ-байрамъ-праздникъ жертвоприношенія. Онъ празднуется въ теченіи четырехъ дней въ 12-мъ лунномъ мъсяцъ года. Къ этому празднику каждый татаринъ запасается жертвенной овцой, которую въ день праздника закалываетъ послъ молитвы муллы. Шкура и лучшая часть овцы идетъ муллъ, кусокъ баранины—бъднымъ, а остальное на домъ. Татаринъ въритъ, что душа невиннаго жертвеннаго животнаго поможеть душть жертвователя войти въ обитель въчной отрады. Какъ извъстно, Магометъ ввелъ этотъ видъ жертвоприношенія взамънъ существовавшаго у арабовъ жертвоприношенія дітей. Ага—чиновное, должностное лицо. Имамъ мулла, священникъ.

ЭЧКИ-ДАГЪ (Козья гора).

Легенду сообщилъ отузскій татаринъ Аблякимъ-Амитъ-оглы. Гора Эчкидагъ. поднимающаяся на высоту 2100 ф., отдъляетъ отузскую долину отъ козской. По склону Эчкидага идеть, на протяженіи 5 версть, шоссе изъ Отузь къ Судаку. Татары говорять, что у вершины горы дъйствительно существуеть проваль безь дна, который они называють Ухомь земли (Хулахъ Іернынъ). Въ лѣсу, которымъ покрыты склоны Эчкидага, еще недавно охотники били дикихъ козъ *(караджа).* Въ моемъ дътствъ, въ шестидесятыхъ годахъ, дикая коза продавалась въ изобиліи на ееодосійскомъ рынкъ, а въ тридцатыхъ годахъ, по словамъ стариковъ, эта дичь цънилась не дороже 75 к. за штуку. Ткна-красная краска, которой татарки, по обряду, покрываютъ волосы и пальцы рукъ и ногъ. Подъ именемъ франковъ турки разумъютъ вообще иностранцевъ. Пашалыкъ-генералитетъ. Монашескій Орденъ дервишей (нищихъ) — особенно чтимъ крымскими татарами. Они считаютъ дервишей — святыми, имъющими власть изгонять недугъ изъ больныхъ. Во время молитвы, которая сопровождается вскрикиваніями-Богъ все движеть! (Гувэ!), дервиши начинаютъ вертъться, при чемъ, постепенно учащая темпъ движенія, доходятъ до экстаза. Въ Россіи—служеніе дервишей происходить въ одной только Бахчисарайской мечети.

Думбало—огромный барабанъ, въ который бьютъ съ объихъ сторонъ, легкимъ деревяннымъ молоткомъ сверху и тросточкой—снизу.

ШАЙТАНЪ И КИЗИЛЬ.

Отузская долина, одна изъ самыхъ красивыхъ въ Крыму, лежитъ на пути изъ Өеодосіи въ Судакъ, въ 27-ми в. отъ Өеодосіи и въ 25-ти отъ Судака. Отузъ по-татарски значить-тридцать. Такое названіе было дано деревнѣ, какъ полагають по числу дворовъ, оставшихся въ 1779 г., по выселеніи грековъ изъ этихъ мъстъ. До этого выселенія, и въ болье древнюю пору, основнымь элементомь населенія были греки, о чемъ свидътельствуютъ развалины церквей св. Георгія и Успенія Богоматери; названіе одной изъ горъ, окружающихъ долину,—Папастепэ (Попова гора, гр. татақ-попъ, тат. mene-отдъльно стоящая гора), а также остатки древне-греческаго укръпленія въ устьъ долины, у берега моря. Окруженная съ трехъ сторонъ горами, находясь въ сторонъ отъ торговаго движенія, долина эта сохраняла до послъдняго времени свой особый колоритъ горной округи, съ ея повърьями, преданіями и легендами. Но съ проведеніемъ шоссе, съ развитіемъ курортной жизни, стала исчезать замкнутость долины, а съ нею забываются преданія и легенды, а повърья уступають мъсто болъе реальнымъ возэръніямъ. Это обстоятельство побудило насъ собрать дошедшіе до насъ отголоски народнаго сказа и издать ихъ, придерживаясь той формы, въ которую они вылились въ слышанной нами передачъ.

Повърье о Шайтанъ и кизилъ сообщила отузская помъщица Жанна Ивановна Арцеулова, урожденная Айвазовская.

СВЯТАЯ МОГИЛА.

Крымскіе татары чтутъ могилы праведныхъ людей—азизовъ. Признаніе азизомъ совершается обыкновенно послѣ того, какъ нѣсколько почтенныхъ лицъ засвидѣтельствуютъ, что видѣли на могилѣ зеленоватый свѣтъ и что надъ поклонявшимися могилѣ совершались чудеса. Если имя святого не сохранилось въ народѣ, то азизъ именуется по мѣстности, гдѣ онъ погребенъ; такъ Святая могила на Папастепэ принадлежитъ неизвѣстному азизу. Но въ дѣтствѣ я слышалъ имя хаджи Курдъ-Тадэ, которое пріурочивалось къ Святой могилѣ, почему я и привожу это имя въ легендѣ. Званіе хаджи присваивается лицамъ, посѣтившимъ Мекку. Посѣщеніе этого священнаго города установлено ст. 192-мъ, гл. 2-ой и ст. 91-мъ главы 3-ей Корана. При возвращеніи хаджи изъ Мекки, его встрѣчаетъ вся деревня, съ великимъ преклоненіемъ и провозглашеніемъ хаджи, освященнымъ св. Духомъ. Минаретъ—каменная или деревянная башенка, съ внутренней лѣстницей и балкономъ, откуда муэдзинъ совершаетъ свой призывъ. Муэдзинъ—дьяконъ. Въ часъ молитвы онъ, послѣ омовенія, поднимается на минаретъ (могутъ и другія лица) и,

обходя кругомъ балкончикъ, возглашаетъ нараспъвъ: «Великій Боже, исповъдаю, что нътъ Бога—кромъ Аллаха и Магометъ его пророкъ». Затъмъ, оборачиваясь на востокъ онъ называетъ иновърцевъ—дурнымъ народомъ, а на югъ шлетъ призывъ: «О, достойный народъ, приходи къ поклоненію, приходи къ спасенію!» Намазъ—молитва. По ученію Магомета намазъ слъдуетъ совершать пять разъ въ день, а именно: при заходъ солнца, два часа спустя, передъ разсвътомъ, въ полдень и въ три часа пополудни.

ШАЙТАНЪ-САРАЙ (Чортовъ домикъ).

Этотъ домикъ, принадлежащій нынѣ одному армянину, попрежнему, остается нежилымъ. Случай съ кладомъ, найденнымъ чабаномъ въ стѣнѣ развалины церкви Успенья Богоматери, разсказывалъ моему отцу, Александру Карловичу Марксу, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, веодосійскій исправникъ Изнаръ. Развалины церкви на Келисэ-кая (церковная гора) сохранились и до нашихъ дней. Чабанъ—пастухъ. Таякъ (копыто)—посохъ съ крюкомъ, которымъ чабанъ ловитъ овцу за ногу. Око—мѣра вѣса, 3 фунта. Ураза или рамазанъ-байрамъ—годовой праздникъ, который начинается съ 10-го новолунія и продолжается три дня. Празднику предшествуетъ мѣсячный постъ, въ теченіе котораго татары отъ восхода солнца и до заката не ѣдятъ, не пьютъ и не курятъ. Постъ установленъ въ память поста Магомета на горѣ Хора, куда онъ удалился на сороковомъ году жизни для поста и молитвы на цѣлый мѣсяцъ. Относительно кладовъ у татаръ существуетъ рядъ повѣрій. Такъ, напримѣръ, есть повѣрье, что если положившій кладъ умретъ, сотворивъ заклятье, то такой кладъ переходитъ во власть Шайтана и тогда нашедшій кладъ и воспользовавшійся имъ, не зная заклятья, непремѣнно погибнетъ.

СВЯТАЯ КРОВЬ.

Въ двухъ верстахъ отъ д. Козы, въ сторону Судака, находится небольшая деревня Токлукъ. На бугрѣ, при въѣздѣ въ деревню, стоитъ древняя церковка св. Ильи, очень чтимая мѣстнымъ населеніемъ. На каменной плитѣ порога показываютъ слѣдъ крови, пролитой нѣкогда въ ночь Рождества. В. Х. Кондараки въ ч. І-й Универсальнаго описанія Крыма (ст. 251), говоря объ этой церковкѣ, приводитъ легенду объ убіеніи въ ея алтарѣ мусульманами священника при занятіи Өеодосіи русскими войсками. Но моя прабабка, мѣстная уроженка, Панцехрія Ставра-Цирули, разсказывала, что священникъ былъ убитъ во времена Темура Аксака. Нашествіе Темура, владѣтеля чагатаевъ, на Персію и Русь относится, какъ извѣстно, къ 1390 годамъ. Василопита—хлѣбъ въ честь св. Василія, начиненный пережаренною на маслѣ мукою съ медомъ. Въ василопиту кладутъ одну или двѣ

серебряныхъ монеты. На новый годъ хозяинъ дома разрѣзываетъ василопиту на куски по числу членовъ семьи и домочадцевъ. Вѣрятъ, что, кому достанется монета, тотъ будетъ счастливъ въ новомъ году. Если же монета попадетъ подъ ножъ, то жизнь кого-либо изъ членовъ семьи будетъ въ томъ году пресѣчена.

письмо магомету.

Легенду эту сообщиль козскій учитель Меметь-эфенди. П. И. Сумароковь полагаль, что д. Козы есть древняя Козія, быть можеть Гозія или Готія. П. Коппенъ хотълъ видъть въ этомъ случаъ половецкое имя, дошедшее до насъ въ «Словъ о полку Игоревъ». Кёзъ-означаетъ впадину, лощину между двумя горами. Это одна изъ горныхъ деревень, гдъ сохранился во всей неприкосновенности древній укладъ жизни, между прочимъ и свадебный той-дугунъ. Богатая свадьба—цълое событіе для жителей долины. Свадебный пиръ продолжается недълю и больще. Невъсту везутъ на крытой коврами и разукращенной мажаръ (повозкъ) — мугудекъ, въ сопровожденіи конныхъ джигитовъ и всего населенія деревни, при чемъ джигиты получаютъ подарки, шитые золотомъ и шелками платки и полотенца-юзбезы. При свадебномъ кортежъ идутъ музыканты—чалгиджи. Тарапанъ, составленный изъ каменныхъ плитъ ящикъ, въ которомъ татары давятъ ногами вино. Тарань (Cyprinus Vimba) — рыба изъ породы карповыхъ, популярное блюдо на югь. Леченіе порошкомь оть мрамора, взятаго съ христіанской могилы, примьняется при лихорадкахъ, горячкъ и др. истощающихъ бользняхъ. На Карадагъ быль, по преданію, похоронень святой человъкь, Кемаль-бабай. Татары разсказывають, что за нъсколько дней до смерти азиза, онъ сказаль, чтобы его похоронили тамъ, гдъ упадетъ его палка. Брошенная имъ затъмъ палка полетъла на гору, упала у ручья, гдъ и былъ похороненъ азизъ и куда теперь стекаются больные изъ разныхъ мъстностей Крыма въ надеждъ на исцъленіе. Многоженство допускается религіей Магомета, у котораго была двадцать одна жена. Однако, въ ст. 3-мъ главы 4-ой Қорана сқазано: если боитесь быть несправедливыми, не женитесь болъе, какъ на трехъ или четырехъ женщинахъ; если все-таки убоитесь этого, то берите одну жену или невольницу. Нынъ у крымскихъ татаръ многоженство встръчается лишь какъ исключеніе. Азраиль—ангелъ смерти, одинъ изъ двухъ, особенно чтимыхъ изъ безчисленнаго сонма ангеловъ. По довърію Аллаха онъ исторгаетъ душу изъ человъческаго тъла.

КЫЗЪ-КУЛЛЕ (Дъвичья башня).

Легенду я слышалъ отъ бабушки Алены Ставровны Жизневской, изъ рода Ставра-Цирули. Сугдея—Судакъ, древняя греческая колонія Крыма. Эта колонія, въ числъ другихъ, была въ І-мъ въкъ до Р. Х. подчинена власти Понтійскаго царя Митридата Діофантомъ, тъмъ самымъ полководцемъ, который построилъ Евпа-

торію, назвавъ городъ такъ въ честь своего государя, носившаго прозвище Евпатора (т.-е. отъ добраго отца). Сугдейская крѣпость, судя по припискъ къ греческому синаксарію (житію святыхъ), писанному въ ХІІ-мъ вѣкѣ (изданъ въ 1863 г., арх. Антониномъ), была построена въ 212 г., но верхній замокъ Кызъ-кулле (Дѣвичья башня) могъ существовать и раньше для обороны колоніи, которую устроили здѣсь выходцы изъ Милета. Башня эта сохранилась и доселѣ. По поводу углубленій, которыя встрѣчаются на древнихъ могильныхъ плитахъ, П. Кеппенъ замѣчаетъ: «сказываютъ, что углубленія, которыя встрѣчаются на надгробныхъ камняхъ, прикрывающихъ могилы дѣвицъ, выдалбливаются для того, чтобы въ нихъ собиралась роса, могущая служить къ утоленію жажды порхающихъ и поющихъ надъ могилами птицъ». (Крымскій сборникъ. О древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ. С.-Пб. 1837, 25.)

РАЗБОЙНИЧЬЯ ПЕЩЕРА.

Кизильташъ лежитъ въ семи верстахъ отъ Отузъ, въ сторону отъ Өеодосійско-Судакскаго шоссе. Со времени Севастопольской войны здѣсь учрежденъ монастырь. Богомольцы нослѣ службы обыкновенно посѣщаютъ монастырскія пещеры, изъ которыхъ одна называется Святой, а другая Разбойничьей.

П. Кеппенъвъ 1837 г., когда еще не было монастыря, писалъ, что «близъ Отузъ верстахъ въ шести отъ деревни, нъсколько вправо отъ дороги таракташской, есть въ скалъ Кызылташской пещера глубиною на 17 шаговъ, которая иногда привлекаеть къ себъ богомольцевъ. Въ концъ оной на столъ, замъняющемъ алтарь, при образъ лежитъ обломокъ бъломраморной плиты величиною вершковъ въ пять, на коемъ изсъченъ ликъ какого-то святого, судя по вънцу, окружающему главу». (П. Кепленъ. Крымскій сборникъ, 37.) На кустахъ у этой пещеры посътитель видить множество разноцвытныхь лоскутковь, которые богомольцы отрывають отъ платья больного и въщають на кусты, помолившись объ исцъленіи его у источника въ пещеръ. Разбойничья пещера находится ниже Святой. Ее образують двъ сброшенныхъ огромныхъ скалы. Преданіе объ этой пещеръ сообщилъ мнъ мъстный грекъ Петръ Егорьевичъ Джеварджи. Это преданіе связано съ именемъ разбойника Алима, хорошо извъстнаго Крыму по народному разсказу и пъснямъ. Поютъ о немъ и татарскіе чалгыджи на пирахъ, и мъстныя гречанки, укачивая дътей, какъ говорила мнъ помъщица Елисавета Ставровна Должичева, изъ рода Цирули. Алимъ, изъ д. Зуя подъ Симферополемъ, разбойничалъ въ Крыму въ сороковыхъ годахъ прошлаго столътія. Это былъ послъдній изъ ряда джигитовъ, съ которыми русской власти пришлось считаться по присоединеніи Крыма къ Россіи. Онъ пользовался огромной популярностью и несомнънной поддержкой среди татарскаго населенія края. До безумія смізлый и дерзкій Алимъ, говорять, отваживался вступать въ открытую борьбу съ небольшими отрядами войскъ, быль не разъ

окруженъ и схваченъ, но каждый разъ бѣжалъ изъ тюрьмы, пока, наконецъ, въ 1850 г., по наказаніи шестью тысячами ударовъ розогъ, былъ сосланъ въ каторгу. *Кефеджи*—содержатель кофейни. Карасубазарскимъ начальникомъ въ то время былъ Павелъ Михайловичъ Жизневскій, славившійся богатырской силой.

ГРИБЫ ОТЦА САМСОНІЯ.

Послѣ сожженнаго въ 1866 г. татарами игумена Парвенія и въ теченіи послѣдующей четверти вѣка настоятелемъ Кизильташской киновіи былъ игуменъ Николай, о которомъ все окрестное населеніе доселѣ вспоминаетъ съ благоговѣніемъ, какъ о свѣтломъ и гуманномъ человѣкѣ, отличавшемся необыкновенной добротой и отзывчивостью. Отецъ Самсоній жилъ въ киновіи въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Эпизодъ съ грибами, украшенный впослѣдствіи легендарными подробностями, имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

\mathcal{C}	mp.
Окаменѣлый корабль	1
Нортова баня	4
Цайтанъ и кизиль	7
чкидагъ—Козья гора	9
вятая могила	12
Цайтанъ-сарай	15
вятая кровь	19
Інсьмо Магомету	21
ызъ-кулле—Дъвичья башня	24
Разбойничья пещера	27
рибы отца Самсонія	30
Іоясненія къ легендамъ	33

Пегенды были напечатаны въ газетъ Утро Россіи за 1912-й и 1913-й годы.